

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА – ПРАЖСКАЯ ОСЕНЬ

К 40-ЛЕТИЮ ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

В ночь с 20 на 21 августа 1968 года войска пяти стран Варшавского договора вошли в Чехословакию, положив конец политической «оттепели» в этой стране. Эта силовая акция преследовала целью предотвратить либерально-демократические реформы в Чехословакии и вернуть страну в сферу политического влияния Советского Союза. Причиной же считается то, что «кремлевские ортодоксы» панически боялись любых проявлений вольнодумства. Такова наиболее распространенная в прозападных СМИ точка зрения на те события. Но очевидно, что это лишь часть правды. Порою замалчивается военный аспект проблемы. Дело в том, что коммунистическое руководство Чехословакии, несмотря на давление Кремля, последовательно отказывалось разместить на своей территории советский контингент войск, оснащенный тактическим ядерным вооружением. А ведь совсем рядом, в ФРГ, находились американские военные базы. В условиях холодной войны, ядерного противостояния СССР и США такая ситуация фактически создавала брешь в оборонительных порядках социалистических государств Варшавского договора.

В этом контексте решение Политбюро Центрального Комитета КПСС о вводе советских войск в Чехословакию, очевидно, лишается того «зловеще-демонического ореола», который ему придают либеральные журналисты. Действительно, оценим обстановку, исходя из реалий 1968 года. Лишь несколько лет назад произошел Карибский кризис, когда мир оказался на грани ядерной войны. Бушевала война во Вьетнаме, где войска США сжигали напалмом сотни тысяч мирных жителей. До «разрядки» и советско-американских переговоров 1970-х еще оставалось несколько лет. Ползучая либерализация, которая на протяжении 1960-х годов незаметно охватывала все стороны жизни в Чехословакии, неумолимо сближала эту страну с Западом. Это, в свою очередь, создавало предпосылки для вероятного выхода Чехословакии из Варшавского договора: никто не мог прогнозировать, как поведет себя «реформаторское крыло» чехословац-

кой компартии, завладев рычагами власти. В конечном итоге так называемая «Пражская весна», при всем уважении к вольнолюбивым чаяниям чехословацкого народа, являлась фактором, дестабилизирующим международную безопасность не только в региональном, но и в глобальном масштабе, поскольку возможный конфликт по этому поводу между НАТО и странами Варшавского договора грозил перерасти в новую мировую войну с непредсказуемыми последствиями. В такой непростой ситуации СССР нанес упреждающий удар, не дав потенциальному конфликту принять угрожающие размеры.

6 мая на заседании Политбюро ЦК КПСС Л.И. Брежнев заявил: «Нам нужно обезопасить себя и весь социалистический лагерь на западе, на границе с ФРГ и Австрией. Мы исходим из того, что со стороны ФРГ на этом участке границы стоит 21 дивизия американская и немецкая... Мы знаем, что введение войск и принятие других мер, которые мы намечаем, вызовет бунт в буржуазной печати. Очевидно, и в чешской. Ну что же, это не впервой. Зато мы сохраним социалистическую Чехословакию, зато каждый подумает после этого, что шутить с нами нельзя. Если будут стоять 10 дивизий наших на границе с ФРГ, разговор будет совершенно другой» [цит. по: 3].

Впрочем, инициатива ввода войск в Чехословакию исходила не только от Советского Союза, но также от других стран Варшавского договора. Наряду с Советской армией на чехословацкую территорию вошли войска ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии. Это была тщательно спланированная международная военная операция, получившая кодовое название «Дунай», в которой приняли участие около 30 дивизий, в том числе войска Белорусского военного округа. В частности, в Чехословакию были переброшены 103-я гвардейская Витебская воздушно-десантная дивизия, части 28-й общевойсковой армии (штаб находился в Гродно), а именно: 15-я

Редакция благодарит председателя совета Минской городской организации Белорусского общественного объединения ветеранов боевых действий на территории других государств генерал-майора в отставке Анатолия Адоньева за помощь в подготовке материала.

гвардейская танковая дивизия и 30-я гвардейская мотострелковая дивизия. По некоторым данным, для отправки в Чехословакию была подготовлена и 120-я мотострелковая дивизия, дислоцировавшаяся в минском военном городке Уручье, но когда железнодорожный эшелон достиг Бреста, поступил приказ возвращаться. Практически все перечисленные объединения и соединения ныне в реорганизованном виде входят в состав Вооруженных Сил Беларуси – 103-я Витебская мобильная бригада, Западное оперативное командование Сухопутных войск (правопреемник 28-го армейского корпуса, бывшей 28-й общевойсковой армии), 120-я механизированная бригада... В чехословацких событиях приняли участие сотни граждан нынешней Республики Беларусь. Семеро наших земляков сложили головы на чехословацкой земле.

ДВА ЛЕЙТЕНАНТА

Нам удалось побеседовать с несколькими участниками тех событий, проживающими ныне в Минске. Их рассказы о пережитом, личные впечатления, в которых соседствует героическое и будничное, позволяют глубже понять, что же происходило в Чехословакии в августе и сентябре 1968-го. Среди них есть и офицеры, есть и солдат срочной службы. Некоторые оставались в Чехословакии несколько месяцев, а один был тяжело ранен уже на второй день операции. Разные судьбы, разный опыт. Но всех наших собеседников объединяет одно убеждение: в Чехословакии они честно выполняли свой воинский долг перед Отечеством, на верность которому присягали.

Ярослав Михайлович Рыбак, ныне генерал-майор в отставке, в 1968 году был старшим лейтенантом и командовал мотострелковой ротой 96-го мотострелкового полка 254-й мотострелковой дивизии Южной группы войск, которая дислоцировалась в Венгрии. *«Наш полк еще 1 мая был поднят по тревоге, – вспоминает он. – Совершили марш в район города Мошонмадьярвар на стыке австрийской, венгерской и чехословацкой границы. Жили там в полевом лагере до самого ввода в Чехословакию. Нам говорили, что в Чехословакию хотят войти натовцы. Уже потом,*

когда я учился в академии, мне рассказали, что советский посол в США А.Ф. Добрынин накануне начала операции добился, чтобы его принял президент США. И заявил, что руководство стран Варшавского договора решило ввести вооруженные силы в Чехословакию, попросив, чтобы войска НАТО не вмешивались и оставались на местах.

Перед вводом было развернуто много полевых госпиталей. Рассматривался вариант, что чехословацкая армия окажет сопротивление. Опасались вмешательства НАТО. Семьи офицеров были эвакуированы из Венгрии в Советский Союз, но имущество оставалось в военных городках, которые охраняли венгры. Наш батальон находился в составе передового отряда группы войск, входившей в Словакию. Задачей моей роты был захват главпочтамта, радиостанции и телестудии Братиславы. Было запрещено стрелять первыми, но в случае сопротивления разрешалось отвечать огнем на огонь. Боюприпасов набрали очень много, даже вместо пайков брали с собой патроны. Всем были памятли венгерские события 1956 года, когда происходили ожесточенные бои между повстанцами и советскими войсками. Но части чехословацкой армии были сразу блокированы и заняли нейтральную позицию. Местную милицию мы и не видели, наверное, она сразу же разбежалась. В Братиславу вошли после полуночи 21 августа. Заняли почтамт. Но затем поступила команда покинуть город. Войска были выведены за пределы Братиславы. Штаб дивизии расположился в замке на горе. Утром приказ – вновь войти в

Так изображался ввод войск в Чехословакию в советской прессе. Прага. 21 августа 1968 года

город. А к тому времени в городе уже начались демонстрации, собралось много людей на улицах. На мой взгляд, ночной вывод войск был ошибкой, так как нашим танкам и боевой технике пришлось возвращаться в город уже при большом скоплении народа, трудно было ехать по улицам.

Днем 21 августа рота вновь расположилась на Братиславском почтамте. Возле оружейной комнаты, где хранилось оружие, видимо, предназначенное для охраны здания, поставили двух часовых и назначили представителей чешской администрации ответственными за это оружие. Еще один взвод занял радиостанцию, другой взвод находился на телестудии. Уже через неделю советские войска были выведены из Братиславы. А наша рота оставалась до ноября, когда мы передали почтамт обратно чехам. В ноябре 1968-го нашу дивизию вывели обратно в Венгрию. В Чехословакии нас сменила другая советская дивизия.

Отношение местного населения к нам вначале было очень неприязненным. Постреливали. В соседней роте нашего полка, которая занимала позиции возле здания Национального собрания в Братиславе, убили солдата и тяжело ранили офицера. Но у наших солдат было нормальное настроение и боевой дух. Немногочисленные очаги сопротивления были довольно быстро подавлены, и обстановка нормализовалась. 23 августа у меня был день рождения, который отметили прямо на почтамте. Накрыли стол, пригласили чехов и словаков, потили пива...»

Тем самым тяжелораненым в Братиславе офицером, о котором рассказал Я.М. Рыбак, был его однопольчанин Николай Михайлович Рудницкий, ныне полковник в отставке. В 1968 году он также имел звание старший лейтенант и лишь незадолго до начала операции «Дунай» был назначен командиром мотострелковой роты 96-го полка.

«За месяц до ввода наш полк вывели в район сосредоточения, – рассказывает Н.М. Рудницкий. – 20 августа 1968 года моя рота погрузилась на гусенично-самоходные паромы, и по Дунаю мы прошли до Братиславы. Патронов и других боеприпасов мы загрузили полные БТРы. Другие подразделения дивизии шли через Комарно, пограничный словацкий город. Приказ был: если на мосту застрянет

какая-нибудь техника – сбрасывать в Дунай. По моей оценке, мы тогда входили как воины-интернационалисты, спасая социалистическую республику, по просьбе населения. Об этом же нам говорили на политзанятиях накануне.

Моей роте была поставлена задача – разоружить инженерно-саперный батальон чехословацкой армии в Братиславе. Разыскали эту часть, собрали чехословацких офицеров в одном из учебных классов. Из окон казарм на советских солдат были наставлены пулеметы. Но стрельбы и сопротивления не было. Мы сообщили местным военным о цели своего прибытия. Запомнилось, что у седых чехословацких офицеров, многие из которых, наверное, воевали во время Великой Отечественной войны, текли слезы по лицу. Но они, видимо, уже получили приказ от своего министра обороны сохранять нейтралитет. Народ в Братиславе встречал нас поначалу дружескими улыбками. Но затем обстановка стала накаляться. На улицах появились толпы людей, которые выкрикивали антисоветские лозунги. Вещала какая-то подпольная радиостанция, которую разыскивали советские солдаты: ее нашли в каком-то захудалом домишке. Моя рота расположилась на площади Готвальда, слева было Национальное собрание, справа университет. И мы оказались как бы в мешке.

К обеденному времени 22 августа непонятно откуда началась стрельба. Надо сказать, что личному составу было запрещено первым открывать огонь. Отдали приказ: в случае выстрелов открывать ответный огонь на поражение. И когда по нам начали стрелять, то мы, естественно, отстреливались. Одного солдата нашей роты убили. Тут и меня подстрелили тяжело. Видимо, была разрывная пуля – 17 сантиметров ноги отхватило. Командующий Южной группой войск прислал за мной вертолет. И меня отправили почему-то в венгерскую областную гражданскую больницу. Хотя возле границы с Чехо-Словакией на случай боевых действий было развернуто буквально море советских палаточных госпиталей – готовились к приему большого числа раненых.

Около месяца я лечился в Секешфехерваре, затем четыре месяца – в Будапеште. Говори-

ли: с таким ранением в армии не служат, хотели ампутировать ногу. Но супруга добилась, чтобы меня отправили в Ленинград в Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова, где и спасли ногу. Всего в госпиталях и больницах я провел два с половиной года.

Встретил потом своего бывшего командира полка Самойлова. Он рассказал, что стрельбу по нам в Братиславе вел заместитель председателя Национального собрания. Моя фуражка вся была изрешечена. У солдата пуля пробилась каску. Были потери среди наших военнослужащих и в других городах Чехословакии. В Брно прапорщик был ранен в голову, умер в госпитале...»

БЕЛОРУСЫ НА ТОЙ ВОЙНЕ

По подсчетам, которые произвел участник чехословацких событий подполковник в отставке В.П. Сунцев, проживающий ныне в Житомире, в Чехословакии погибли более 100 советских военнослужащих. Эти данные, возможно, далеко не полные.

Понесли потери и витебские десантники, которые были переброшены в район Брно. Подразделения 103-й воздушно-десантной дивизии рано утром 21 августа высадились на аэродроме Туржаны в пригороде Брно. Как записано в журнале боевых действий дивизии, десантники захватили главные пункты аэродромного оборудования, изолировали обслуживающий персонал и пассажиров, организовали охрану и оборону объектов. При этом «гвардейцы-десантники с честью выполнили интернациональный долг по защите социализма в ЧССР, показав высокую полевою вырубку, моральную стойкость, политическую зрелость, смелые, дерзкие и инициативные действия...». Но мало кому известно, что 22 августа на чехословацкой территории был ранен десантник, солдат срочной службы Александр Набоков (уроженец Пензенской области), который впоследствии скончался от ран и был похоронен в Витебске.

Георгий Николаевич Игнатович в 1968 году был майором, заместителем командира роты по политической части 350-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии. Он вспоминает: «За три месяца до отправки в

Чехословакию офицерам полка было приказано никуда не отлучаться из военного городка Боровуха-1 и находиться в постоянной готовности. Были отменены отпуска. Вскоре полк был поднят по тревоге и совершил марш в район Постав, где некоторое время находился в полевом лагере. 21 августа на военнотранспортных самолетах Ан-12 десантники были переброшены в Брно. При себе мы имели оружие, полный комплект боеприпасов, боевые гранаты. Был приказ отвечать на каждый выстрел огнем. Моя рота расположилась в районе городского кладбища Брно. Солдаты проверяли машины, чтобы не пропустить в город взрывчатых веществ, оружия, пропагандистской литературы. По моим впечатлениям, местное население к советским солдатам относилось положительно, даже приглашали в гости. Никто по нам не стрелял. 24 октября того же года полк возвратился на родину...»

Евгения Константиновича Мастерова призвали на срочную военную службу в Минске. В 1968 году, будучи старшим сержантом, он сначала командовал взводом средних танков, а затем возглавил комсомольскую организацию 29-го гвардейского танкового полка 15-й гвардейской танковой дивизии, который дислоцировался в Бресте. В Чехословакии полк находился в районе города Тын-над-Влтавой.

«В один из вечеров полк подняли по боевой тревоге, – вспоминает Е.К. Мастеров. – Мы полностью укомплектовались боеприпасами и двинулись на железнодорожную станцию, где личный состав и боевую технику погрузили в эшелоны, которые отправились в Польшу. Никто не знал, куда и зачем мы едем. В лесах в Польше мы стояли месяца полтора-два. Часть была засекречена. Бытовые условия там были тяжелейшие. Никаких удобств, жара, негде было даже искупаться.

Потом опять боевая тревога. Мы уже понимали, что пахнет серьезным делом. Ведь еще перед отправкой в Польшу поступила команда: всех солдат, которые имели нарушения дисциплины, оставить в Бресте. Ребята относились к предстоящим событиям очень серьезно. Наше дело было выполнять долг. Я чувствовал, что это война. Когда мы уже

Весна 1968 г. Сержант
Евгений Мастеров

Военнослужащие – уроженцы Беларуси, погибшие во время операции «Дунай» в августе – октябре 1968 года:

1. Виршич Иван Владимирович, белорус, 1942 года рождения. Проживал в д. Новицки-Вторые Лидского района Гродненской области. Призван Лидским ГВК. Ефрейтор, стрелок 166-го гвардейского мотострелкового полка 30-й гвардейской мотострелковой дивизии 28-й отдельной армии БВО. Погиб 21 августа 1968 года. Похоронен на городском кладбище в Лиде.

2. Грабовский Устин Викентьевич, белорус, 1948 года рождения. Работал в колхозе «Дзержинский» Глубокского района Витебской области. Призван Глубокским РВК. Рядовой, орудийный номер 96-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка 9-й танковой дивизии 1-й гвардейской танковой армии Группы советских войск в Германии. Погиб 25 августа 1968 года. Похоронен на территории бывшего СССР (точное место не установлено).

3. Королько Аркадий Владимирович, белорус, 1946 года рождения. Проживал в д. Кармазы Стародорожского района Минской области. Призван Слуцким РВК. Рядовой, стрелок 108-го гвардейского парашютно-десантного полка 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Погиб 6 сентября 1968 года. Похоронен в Слуцке.

4. Милованов Николай Алексеевич, русский, 1926 года рождения. Проживал в г. Марьино Горка Минской области. Призван Пуховичским РВК. Майор, начальник штаба танкового батальона 52-й гвардейского танкового полка 6-й гвардейской мотострелковой дивизии. Умер от болезни 26 августа 1968 года. Похоронен на кладбище в Марьиной Горке.

5. Сулима Станислав Пантелеевич, белорус, 1932 года рождения. Проживал в Гродно. Лейтенант, заместитель командира роты по политической части 166-го гвардейского мотострелкового полка 30-й гвардейской мотострелковой дивизии 28-й отдельной армии БВО. Погиб 12 сентября 1968 года. Похоронен на городском кладбище в Гродно.

6. Тилупо Леонид Иванович, белорус, 1935 года рождения. Уроженец г. Черикова Могилевской области. Призван Морским РВК г. Таллина Эстонской ССР. Сержант, командир отделения 397-го гвардейского отдельного автомобильного батальона 30-й гвардейской мотострелковой дивизии 28-й отдельной армии БВО. Погиб 19 сентября 1968 года. Похоронен в Таллинне (где проживала жена).

7. Фролов Анатолий Афанасьевич, белорус, 1946 года рождения. Проживал в д. Гроново Кричевского района Могилевской области. Призван Кричевским РВК. Ефрейтор, старший стрелок 68-го мотострелкового полка 27-й гвардейской мотострелковой дивизии. Погиб 1 октября 1968 года. Похоронен на территории бывшего СССР (точное место не установлено).

Источник: [1; 2].

входили в Чехословакию, на пути у танковой колонны находился шламбаум. Чехи шламбаум не открывали, и тогда головной танк сбил его и пошел напролом на чехословацкую территорию...

Чехословакия очень гористая страна. Для наших солдат, а среди нас было много белорусов, украинцев, это было новым, непривычным. Дороги в горах очень узкие. Марш-бросок продолжался трое суток. То есть три дня и три ночи водители не спали. По ночам в горах нас сопровождали вертолеты, которые, увидев остановку, светили нам фонарями. Но все равно много ребят погибло на тех дорогах, не справившись с вождением. И в моем подразделении тоже. Как пошла машина вместе со снарядами в пропасть – и все...

Перед тем как мы вступили в Чехословакию, нам дали всем под роспись ознакомиться с приказом, что мы не имеем права стрелять первыми, только отвечать огнем на огонь. Помню такой случай: остановились в селении. На заборе большой транспарант с надписью по-русски: «Хрущев был – толк был. Брежнев пришел – с ума сошел». Парнишка, который был со мной в сопровождении, бросился срывать его, и в этот момент из автомата кто-то его подкосил в спину. Даты я не запомнил. Видеть, как на глазах гибнет человек, с которым вместе служили, было ужасно.

В самой Чехословакии мы стояли в лесах. Много было всяких неприятных вещей. Кто-то ночью, когда люди спали после марш-броска, вырезал целый экипаж из четырех танкистов, отрезал им головы. Состояние у людей было тяжелое, вы понимаете: сегодня живой, а завтра – как оно повернется?

На мой взгляд, в Чехословакии существовали антисоциалистические группировки, которые специально надевали нашу военную форму. Перед прибытием наших войск в какое-то село они в советской форме жгли дома, будоражили, били людей, подготавливали население против нас. И когда мы уже подъезжали к этому селу, то нас уже там встречали, естественно, с палками. Когда шла наша грузовая машина с боеприпасами, то чехи старались прыгнуть на подножку, вскрыть горловину бензобака и бросить туда огонь. Если откроешь кабину машины, могли камнем ударить или палкой. Бензобаки пришлось специаль-

но охранять. Если колонна шла под мост – стоят, как сейчас помню, и кидают глыбы на машины. Настолько был озлоблен народ. Если честно, у нас ребята были, которые били таких вот, которые стояли с камнями. А что? Едешь, а он тебе булыжник на голову бросает! Были случаи, что стреляли в ответ. Но это были самые отчаянные ребята... Нам же стрелять категорически запрещено было. Очень много находили в землянках подпольных радиостанций в окрестностях Брно, Праги, которые вели антисоциалистическую пропаганду, утверждали, что советские войска – захватчики и хотят Чехословакию оккупировать.

Потом мне приказали выполнять спецзадание. Надо было обеспечить наших людей питьевой водой. Многие колодцы были отравлены. Я ездил по селам с двумя солдатами, искал чистые колодцы. Позовешь хозяина, просишь разрешения взять воду. Он не возражает. Но когда говоришь: попробуй эту воду сам или твои дети, то он уже упирается. Мы брали с собой гранаты, патроны, которые лежали в машине. У меня была кобура с пистолетом, но патронов в обойме не было. Это было нужно, чтобы с населением находить контакт. Когда они говорили, что мы оккупанты, и показывали на этот пистолет, я его просто доставал и показывал пустую обойму. Когда они убеждались в этом, то бьвали случаи, что сами показывали: из этого колодца, мол, не пейте, а в том берите воду... Насчет писем скажу откровенно, как было. В нашей части ставили почтовые ящики, давали номер полевой почты. Солдаты писали письма домой. Но затем эти письма по приказу командования уничтожались, сжигались.

Мне приходилось ездить на аэродром отправлять гробы с погибшими. Там был засекреченный аэродром в лесу, куда привозили останки всех военнослужащих, погибших в Чехословакии. Как сейчас помню, в два яруса стояли цинковые гробы, и конца им было не видно...»

В перечень регионов, где происходили локальные войны и конфликты с участием советских воинов-интернационалистов, Чехословакия не внесена. И граждане Бе-

ларуси, участвовавшие в чехословацких событиях 1968 года, официально не признаются в нашей стране воинами-интернационалистами, в отличие, например, от Украины. Исключением является Н.М. Рудницкий. В свое время он обратился в специальную комиссию Министерства обороны СССР, и там было принято решение, учитывая его тяжелое ранение, считать Н.М. Рудницкого воином-интернационалистом. И сегодня он один из немногих граждан Беларуси, официально признанных воином-интернационалистом за участие в чехословацких событиях.

У Е.К. Мастерова в военном билете о событиях в Чехословакии записано: «Выполнял спецзадание». После запроса в Центральный архив Министерства обороны России в Подольске была получена выписка из приказа по танковому полку от 29 октября 1968 года: «Все комсомольские организации части успешно справились с поставленными задачами в ходе учений «Дунай» и с честью выполняют свой интернациональный долг на территории ЧССР. Приказываю: наградить грамотой... старшего сержанта Мастерова Е.К.»

«Грамоты этой я в глаза не видел, – признается Евгений Константинович. – И что такое «учения «Дунай», даже я, комсомольский работник, на тот момент не знал. Сколько ребят погибло... А сейчас выясняется, что это было просто «учение», прогулка...»

«Я честно и добросовестно выполнял свой интернациональный долг в Чехословакии. Поэтому сам себя считаю воином-интернационалистом. А давать за это льготы или нет – это дело государства», – полагает бывший десантник Г.Н. Игнатович.

И действительно, дело не в льготах, а в восстановлении справедливости по отношению к советским военнослужащим. Международная военная операция «Дунай» 1968 года, предотвратившая дестабилизацию в центральноевропейском регионе, буквально начиненном ядерным вооружением, сыграла важную роль в сохранении региональной и глобальной безопасности. И ее участники заслужили право называться воинами-интернационалистами.

Олег ЛИЦКЕВИЧ ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Памяти Центральной группы войск. Режим доступа: <http://www.cgv.org.ru>. Дата доступа: 11 августа 2008 г.
2. Операция «Дунай». Сайт В.П. Сунцева. Режим доступа: <http://www.dunay1968.ru>. Дата доступа: 5 августа 2008 г.
3. Шимов, Я. Август 68-го: военная операция с политическим уклоном // Полит.ру. Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2007/08/21/august.html>. Дата доступа: 11 августа 2008 г.